

Высокий рыжеволосый мужчина быстро шел по узкой тропинке, вьющейся среди густых колючих кустов. Он тяжело дышал, время от времени вытирая со лба пот.

Солнце поднималось все выше и выше, обрушивая на остров свои безжалостные лучи. Сердце глухо билось в груди, воздух казался сухим и жестким, как пыльная листва. Тропинка круто забирала в гору, а потом пошла вниз. Идти стало немного легче, но жара и усталость делали свое дело. Мужчина пошел чуть медленнее, пытаясь отдышаться, и тут же совсем близко, за поворотом тропинки, услышал приближающиеся шаги.

Его преследователи не спешили, зная, что он никуда от них не денется.

Тропинка снова свернула, и впереди показалась прибрежная деревушка — нарядные белые домики, окруженные фруктовыми деревьями, рыночная площадь.

Мужчина пошел быстрее, у него появилась надежда.

На краю площади скучал греческий полицейский — толстяк с длинными, уныло обвисшими усами, в белом мундире с пятнами от пота на спине. Мужчина подошел к нему и торопливо проговорил по-английски:

— Помогите, меня преследуют грабители.

— Я не понимаю по-английски, — невозмутимо ответил полицейский и демонстративно отвернулся.

Кусты раздвинулись, и на площадь вышли двое — сутулый тип в куртке армейского образца, с длинными черными волосами, собранными в хвост, и лысый коротышка с наглыми масляными глазами. Окинув площадь цепким взглядом хищника, длинноволосый двинулся вперед, коротышка — чуть в стороне от него, держа руки в карманах.

Преследуемый ими мужчина, делая вид, что ничуть не боится, шел мимо лотков с рыбой и зеленью, с овощами и крупными золотистыми апельсинами, с яркими керамическими тарелками и кувшинами, что-то разглядывал, к чему-то приценивался, но спиной чувствовал взгляды тех двоих.

Посредине площади к нему скользнул чумазый смуглый мальчишка лет тринадцати, протянул грязную ладошку и затараторил:

— Денег, добрый господин! Дай мне немного денег, я хочу есть! У меня нет ни папы, ни мамы!

Мужчина достал из кармана несколько монет и сунул в протянутую руку. Мальчишка ухмыльнулся, состроил смешную рожицу и снова залопотал:

— Добрый господин, дай еще! Ты дал мне слишком мало! Мне надо кормить младшую сестренку!

— Хватит с тебя! — Мужчина вытер пот клетчатым носовым платком и огляделся.

Мальчишка подошел ближе, показал рукой на что-то за спиной иностранца. Тот оглянулся и в ту же секунду почувствовал мимолетное прикосновение маленькой руки. Мальчишка уже исчез. Впрочем, мужчине было не до того: двое преследователей неотвратно приближались, слегка разойдясь, как

волки, преследующие раненого оленя, глядя под ноги одновременно равнодушно и внимательно, как будто что-то искали в пыли.

Мужчина миновал площадь и, свернув в узкий переулок, прибавил шагу.

Впереди между деревьями мелькнуло тусклой бирюзой полуденное море. На нем покачивались нарядные прогулочные катера, серые и зеленые рыбачьи лодки. Дышать стало легче, и он пошел еще быстрее.

Внезапно прямо перед ним словно из-под земли возник лысый коротышка. Он широко ухмыльнулся, и на солнце сверкнул золотой зуб.

— Куда ты так спешишь? — Коротышка склонил голову к плечу и оскалился: — Некуда тебе спешить!

Мужчина попятился, но за спиной у него стоял длинноволосый тип, так что отступать было некуда.

— Хватит бегать! — процедил длинноволосый. — По такой жаре это очень вредно. Отдай то, что нам нужно, — и можешь отправляться на все четыре стороны.

— Я не могу вам это отдать! Это не принадлежит мне!

— Тем более! — Коротышка сплюнул под ноги и лениво шагнул вперед. — Если это не твое — так отдай, и мы тебя отпустим!

— Я не могу... — повторил мужчина, затравленно озираясь. — Вы знаете, что я не могу...

— Ты отдашь это, — произнес длинноволосый и переглянулся со своим спутником. Тот словно нехотя вытащил левую руку из кармана, на солнце сверкнуло широкое лезвие ножа.

Мужчина машинально дотронулся до заднего кармана брюк — и ничего не почувствовал. Карман был пуст. Он вспомнил смуглого мальчишку, ми-

молетное прикосновение руки — и понял, что произошло на площади.

— Ты отдашь это, хочешь или не хочешь! — процедил длинноволосый и снова переглянулся со своим спутником.

Коротышка взглянул куда-то вверх и вдруг резко выбросил вперед левую руку. Высокий рыжеволосый мужчина ахнул, как будто вошел в ледяную воду. Его колени подогнулись, и он упал, опрокинувшись на бок, потом перекатился на спину и замер, уставившись в выцветшее полуденное небо широко открытыми глазами. Коротышка наклонился к нему, быстро, сноровисто обшарил карманы и поднял на своего спутника удивленный взгляд:

— У него ничего нет!

— Как это? — растерянно переспросил длинноволосый. — Не может быть! Это должно быть у него!

— Смотри сам!

Коротышка встал и отошел в сторону, а длинноволосый принялся обшаривать одежду мертвеца. Он выбросил на песок бумажник хорошей кожи, расческу, носовой платок, шариковую ручку в позолоченном корпусе, билет на рейсовый катер...

— И правда у него этого нет, — пробормотал он раздраженно и в то же время испуганно. — Куда же он это дел? — Он еще раз проверил карманы, выпрямился и вполголоса с раздражением и страхом проговорил:

— Господин будет недоволен, очень недоволен...

«Господи, ну когда же это кончится? — с тоской думала Соня, глядя на абсолютно гладкое море. Было такое впечатление, что яхта скользит по зеркалу. Легкий, едва заметный ветерок ласково касался ее плеч и спины. Небо было необыкновенно

яркого голубого цвета — впрочем, так всегда бывает на юге.

Яхта плыла вдоль берега, и Соня наблюдала живописные скалы, поросшие кое-где соснами или оливковыми деревьями. Кусты были сухие, цветов не было совсем — конец сентября, пусть море еще теплое и солнца много, но все же скоро осень.

— Какая красота, — послышался сзади женский голос. — Оказывается, бывает рай на земле.

Так и есть — Марианна. Вечно подкрадывается неслышно и пристает с бесконечными разговорами. Соня сжала зубы и едва сдержалась, чтобы не дернуть плечом.

— А я еще ехать не хотела, — продолжала Марианна, встав рядом, — думала, укачает на этой яхте, света белого не взвидишь. А тут не море, а зеркало, и купаешься как в озере, до того вода мягкая. Хоть целый день не вылезай.

Соня молчала, с тоской думая, как было бы здорово, если бы яхту сейчас резко качнуло и Марианна вывалилась за борт. И остальные пассажиры тоже, хотя все они, за исключением Сони и этой русской пары — Марианны и ее молчаливого мужа, были англичанами и просто так в разговор не лезли, если видели, что человек хочет побыть один. Ненахальная нация, уж этого у них не отнимешь.

— А вы, Соня, не боитесь морской болезни? — продолжала Марианна.

Молчать дальше было бы совсем неприлично, открыто послать подальше — вроде бы не за что.

— У меня есть таблетки. — Соня повернулась и нехотя сложила губы в приветливую улыбку.

— Английские? — В глазах Марианны зажегся понимающий огонек, и Соне тотчас захотелось ее убить.

— Наши, — сухо ответила она.

— Наши у меня тоже есть, — вздохнула Марианна. — Они что-то плохо на меня действуют. Спать хочу и вообще... Пока море спокойное, а завтра будем залив пересекать...

— Возможно, на берегу купите таблетки... — Соня кивнула на приближающийся берег, где был виден порт. Возле пристани стояли маленькие рыбачьи суденышки, нарядные катера и такие, как у них, двухмачтовые яхты, которые здесь назывались гулеты.

— Красиво... — вздохнула Марианна, — только лучше издали на это смотреть. Я уверена, ничего хорошего в этой деревушке нет, дыра дырой... — Она потянулась и добавила: — Уж аптеки-то я там точно не найду. И вообще, Алекс сказал, что лучше туда не ходить, там мы недолго стоять будем, только воду пресную возьмем и свежие продукты. Смотреть абсолютно нечего, покупать тоже, так что попусту по жаре таскаться? Алекс точно знает, он вроде в прошлом году здесь был...

Соня отвернулась и стиснула зубы так сильно, что заболели скулы. Господи, ну за что ей все это?

При упоминании имени Алекса в голове застучали сотни молоточков. Исключительно от злости. Ведь в том, что она оказалась здесь, на этом треклятом гулете, чтоб его черти забрали со всеми пассажирами и командой, виновата была только она сама. И еще Ангелина. Пристала к Соне как банный лист, вцепилась как пиявка — поезжай да поезжай, отвлечешься от своих неприятностей, да что там — вообще про них забудешь! Море, солнце, да еще такой мужчина рядом!

Соня тогда слабо возражала, что не нужен ей никакой мужчина, в ее состоянии на тех, кто в брюках, вообще смотреть невозможно.

«Ты, как всегда, все драматизируешь! — отмахивалась Ангелина. — Ну, подумаешь, хахаль бросил, эка невидаль! Не ты первая, не ты последняя, женщин с кучей детей бросают, мужики все до одного сволочи, а у тебя хоть оглоеды на шее не сидят. Сама себе хозяйка. Квартира есть, работа есть, с внешностью все отлично, молодая — тридцати еще нет. Эх, мне бы твои заботы!»

Тут она, конечно, кривила душой, у нее самой в личной жизни был полный порядок — имелся муж, не то второй, не то третий, и сын как раз недавно окончил школу и поступил в институт. Жили они в огромной квартире в центре, и единственной ложкой дегтя было наличие в этой квартире све-крови.

Муж был к своей матери очень привязан и ни за что не хотел ее отселять, хотя возможности имелись — он хорошо зарабатывал. Ангелина вполне могла бы бросить работу, но не делала этого, чтобы не торчать целыми днями в обществе свекрови.

Впрочем, ее живая натура требовала деятельности. Ангелина вечно что-то устраивала, с кем-то встречалась, о чем-то договаривалась, организовывала какие-то сборища, мимоходом успевая сделать и по работе кое-что, но не так чтобы много.

Начальство привычно вздыхало и говорило, что энергию Ангелины хорошо бы использовать в мирных целях. К примеру, маленькую электростанцию вполне можно было бы запустить, осветить небольшой поселок городского типа.

От начальства Ангелина тоже отмахивалась.

Соню она начала опекать с самых первых дней, как только та пришла в фирму. Несмотря на разницу в возрасте, они скоро подружились. Если честно, Ангелина была женщиной невинной и давала иногда

толковые советы по части тряпок и внешнего вида. Она бы и насчет отношений с мужчинами могла просветить, только Соня никогда ни с кем не обсуждала свои отношения с Егором.

Соня привычно вцепилась в поручни, потому что за последние несколько месяцев, как только в мозгу вспыхивало его имя, сразу же начинала кружиться голова, и сердце пропускало пару-тройку ударов. Сейчас сердце билось ровно, только виски защемило резкой болью, но скоро прошло.

Марианна потопталась немного и ушла на корму. Там собрались все пассажиры — под тентом, на удобных диванах. Англичане потягивали коктейли, и две немолодые дамы, сестры-близнецы, пытались втянуть Алекса в разговор. Был слышен громкий смех, и Соня с необъяснимым злорадством подумала, что Марианна по-английски ни в зуб ногой и от этого чувствует себя некомфортно. Муж ее держался индифферентно, за столом молча ел, молча же плавал, а в оставшееся время спал в тени, накрывшись полотенцем.

Берег потихоньку приближался, ветер совсем стих. Уже стали видны разноцветные двухэтажные домики, круто уходившие наверх, в горы, и причал, и небольшая прибрежная площадь, и выгоревшие полосатые зонтики кафе.

«Выйти, что ли, на берег, хоть ноги разомну, подвигаюсь», — лениво подумала Соня и усмехнулась про себя: ясно, что Алекс на берег не пойдет, так она сможет хоть полчаса не слышать его смеха и не видеть ужасной фигуры в черном.

Да, подсиропила ей Ангелина отдых, нечего сказать. Хотела, как говорится, как лучше, а вышло... Но тут Соня сама виновата, нечего было ее слушать.

Ангелина прибежала как-то на работу с выпученными глазами.

— Сонька, ты не представляешь, что я узнала!

Соня тогда была в полной прострации, со времени ее расставания с Егором прошло три месяца, две недели и пять дней. Ну да, тогда каждый прожитый день ложился ей на душу тяжелым камнем. На работе она отвлекалась, делая над собой титанические усилия, потом ехала домой, из последних сил следя, чтобы не сбила машина и не вытащили кошелек в метро, а потом, лежа в постели, ощущала, как давит и давит на сердце каменная плита.

Говорят, что была такая средневековая пытка — узнику клали на грудь и живот каменную плиту. Точь-в-точь такую, какая была на ней каждую ночь. Соня ворочалась без сна, не было сил даже встать, чтобы выпить воды, и забывалась только под утро тяжелым сном без сновидений, чтобы проснуться утром от звона будильника совершенно разбитой.

Так вот в один из таких невыносимых дней Ангелина ворвалась в комнату, как вихрь, и закричала:

— Сонька, я нашла для тебя выход!

— Какой выход? — вяло спросила Соня, отведя глаза от экрана компьютера.

Она делала вид, что занята работой, но как выяснилось буквально через несколько дней, никого ее вид не обманывал.

— Отличный выход из той ситуации, в которую тебя поставил твой урод и придурок!

Надо отдать должное Ангелине, она была целиком и полностью на стороне Сони, хоть и называла ее мямлей, рохлей и даже иногда в сердцах дохлой медузой.

Встряхнув Сою за плечи, Ангелина буквально выволокла ее в коридор и там, в закутке у лифта, понизив для приличия голос, ввела в курс дела:

— В институте у меня был приятель, то есть не у меня, а у одной девки из нашей группы. Она, понимаешь, в шахматной секции занималась, ну, и этот Сашка тоже. Смешной такой, толстый, уши оттопырены и какой-то простоватый, но в шахматах своих разбирался. С этой девицей, с Танькой, он вроде как дружил, а за другой, из нашей же группы, вроде ухлестывал. Однако безуспешно, она говорила — скучно с ним, говорит-то много, да все как-то не по делу, все не о том. Она уж и так ему намекала, чтобы отвалил, и этак — все без толку, совершенно не понимал намеков. Даже под столом от него пряталась, у нас ребята все ржали, а он все ходил и ходил. Ну, тогда она ему прямо все объяснила, на пальцах — отвали, мол, от меня срочно, чтобы я тебя долго искала и никогда не нашла!

— Дошло? — спросила Соня, потому что Ангелина явно ожидала от нее этого.

— Ну, когда прямо сказала, то дошло! — закивала Ангелина. — Потом он куда-то делся, а Танька эта, которая с ним общалась, говорила, что нашел он какую-то девицу, только у него с ней тоже ничего не вышло. Потом он в Чехию уехал на чемпионат по шахматам, там вроде кого-то подклеил, но все мимо. А потом мы институт окончили и на некоторое время друг друга из виду потеряли.

— Ну и что с того? — Соня сделала слабую попытку освободиться, однако Ангелина ухватила ее за руку покрепче и настойчиво подтолкнула в угол, так, чтобы проходящие по коридору их не видели.

— Ты слушай, сейчас самое интересное начинается! Значит, через какое-то время встречаю я эту

самую Таньку — на улице нос к носу столкнулись. А до этого я ни с кем из группы не встречалась — свои заморочки были, рожала, потом с мужем разводилась... в общем, обрадовались мы с Танькой, посидели в кафешке, она мне и рассказала про Сашку этого Фердмана. После института помыкался он, работы приличной не нашел, поскольку из какого-то другого города, так что связей здесь никаких. Ну, тогда вообще с работой плохо было, все разваливалось, сокращения большие шли. Ну и решил он эмигрировать. Поехал в Штаты, там работу нашел — все же институт у нас был хороший, потом язык выучил и окончил какое-то серьезное заведение по финансам. Танька рассказывала — приезжал недавно, встречались они, так просто не узнать мужика! Весь из себя упакованный, солидный такой, говорит уже с акцентом. В Англию переехал, банк там открыл.

— Ну надо же... — вставила Соня равнодушно. Ее совершенно не интересовал какой-то там незнакомый Сашка-банкир.

— Ты морду не вороти, а слушай дальше! — мгновенно разъярилась Ангелина. — Соберись, Сонька, теперь перехожу прямо к делу!

Соня удивленно посмотрела на коллегу — какие тут могут быть дела? Сплошной пустой треп...

— Значит, годы идут, — продолжала Ангелина, — с Танькой мы изредка встречаемся. Она, кстати, тоже прилично устроилась, в одной крупной фирме замдиректора. Так что ей болтать особо некогда. Но все же кое-какие сведения о Сашке до меня доходят. Значит, он женился там, преуспевает, богатеет на глазах, Танька с мужем к нему в гости ездила. Жена, говорит, англичанка, та еще стерва, Таньку терпеть не может, ревнует, что ли, хотя я свидетель, ничего у них в институте не было, дружили просто. Кстати,